

«Мне созвучней боль», или чем Костя Кинчев похож на Федора Михайловича

Какие только мнения мне не приходилось слышать о социотипе любимого мной музыканта и поэта Константина Кинчева! А именно: Бальзак, Максим, Робеспьер, Достоевский. Эта статья является попыткой обосновать свою версию и опровергнуть другую, и вызвана к жизни как столь противоречивыми мнениями, так и бурной жизнедеятельностью екатеринбургского молодежного еженедельника «Это», за что последнему хочу выразить свою признательность.

Одно из самых заметных и значительных качества людей типа Достоевский (в дальнейшем Дс) – сострадательность и неприятие насилия, доходящее подчас до ответной агрессии. Это качество ярко выражено во всех романах Ф.М.Достоевского (возьмите, к примеру, «Бедные люди»). Нет больше ни одного типа, который бы столь сильно и непосредственно проникался болью другого человека, столь часто страдал тем, у кого горе, и которого столь же часто эксплуатируют в качестве «жилетки».

Поэтому, когда при написании статьи я читала интервью с К.Кинчевым и наткнулась на его фразу «Мне созвучней боль» – у меня не осталось сомнений. Это был решающий аргумент – для меня.

Давайте посмотрим, откуда эта созвучность. Для Дс свойственно сострадание к слабым, незащищенным: одиноким, страдающим, брошенным, щенкам, котяткам, детям, асоциальным личностям, даже к кривому пирожку на тарелке («Такой кривой, его же никто не возьмет!..»), потому что он не такой, как все. Это их качество не происходит из какой-то одной функцией, а, скорее, из конгломерата свойств функций всего типа.

Блок Эго, сильный, программный (1, 2 f.): ведущая этика отношений и творческая интуиция возможностей. Мир воспринимается Дс через отношения – силы притяжения и отталкивания между людьми – с 1 f. С творческой же идет постоянная оценка себя и других с точки зрения нравственности, уровня развития, своих духовных и моральных качеств, желание приблизиться к своему нравственному идеалу, и помочь в этом другим, более слабым, менее развитым. Блок СуперЭго (3, 4 f.), где сосредоточены все разногласия человека с социумом: болевая волевая сенсорика и нормативная логика отношений – болезненное восприятие насилия, давления, собственных внешних недостатков, недостатков и неудач в финансовой сфере, ответственности, которая

налагается социумом. Эти блоки, что называется, друг с другом не дружат. (Костя: «Я настолько поглощен войной, что внутри меня происходит...») В случае с Дс это усугубляется тем, что, как мне кажется, они больше, чем какой-либо другой тип, видят свои недостатки – со своего первого блока, и им труднее их замалчивать и обманывать себя, поскольку нравственность и идеалы требуют быть честным, моральным, сильным, независимым и ответственным, и постоянно присутствуют в сознании, а болевая – чтоб их защищали, содержали, обеспечивали необходимым в материальном плане, мобилизовывали, помогали одеваться прилично – молча и бескорыстно. И поскольку идет регулярный процесс оценки качеств – чужих, и сравнение со своими, несоответствие угнетает. Отсюда так часто можно видеть «вселенскую» боль в их глазах, экзальтические реакции, стремление к жертвованию. К примеру, взгляните на фотографии Кости Кинчева, приведенные в книге Нины Барановской. Особенно обратите внимание на фото с комсомольского билета – какая трагичность в его глазах, словно у человека перед лицом вселенской катастрофы. Когда человеку плохо и больно, Достоевский сразу это ощущает, возможно, потому, что ему самому постоянно больно внутри, как некая открытая рана («Моя песня – раненный стерх...»). Ему хочется залечить эту чужую боль, но как? Слабая волевая сенсорика не имеет силы за частую и свои-то материальные проблемы решить, взять на себя ответственность за них, а уж чужие! (Из интервью: «Как вы относитесь к заработной плате? Почему билет на концерт стоит 5 рублей?» – «Как любой нормальный человек – положительно. Любой труд должен оплачиваться. А насчет 5 рублей, это вопрос не ко мне...» – снял с себя ответственность.) Все это дополняется неадекватностью по обоим логикам – не знает, что делать, какими методами, и что главное. Помочь он может только сочувствием, хотя и мучается каждый раз, что этого недостаточно, ощущает вину. Конечно, для логических типов сочувствие и моральная поддержка гораздо более существенная помощь, чем хаотичные попытки что-то предпринять со стороны этика. Именно за сочувствие логики проникаются к ним и симпатией, и уважением («сам я так не могу...»), и считают их хорошими психологами и «докторами».

Святослав Задерий: «На самом деле Костя «лечить» умеет хорошо, поэтому я и назвал его Доктором. Серьезно, он обладает способностями, биополе у него точно есть. И лечить не только в прямом смысле, но он умеет и поговорить с тобой так, что тебе станет легче. Раньше таких людей называли духовниками».

Аспект интуиции времени у Дс находится в 7 f. пристройки, самой альтруистичной (которую изредка еще называют «Большое Ухо»). Что не позволяет им распоряжаться чужим временем, грубо манипулировать чужим состоянием либо прерывать чьи-либо излияния о внутреннем, наболевшем. А блок 1-7 f. и нравственный идеал по 2 f. периодически заставляют принимать роль «жилетки», «доктора», «лечилы», «мамочки» («папочки») и т.п. Эти функции не дают Дс отказать человеку в сочувствии. Отсюда очень часто случается так, что он буквально эксплуатируется желающими «поплакаться в жилетку», что его истощает физически и морально, и мешает

заниматься своими делами. (Тогда как Максим, к примеру, умеет рассчитать свои силы и не дать «сесть себе на шею».) Из интервью с Костей: «В той же Америке... Мы пробывали там три недели, но этого хватило надолго. Опять же из-за беспробудного пьянства, потому что все эмигранты считали своим долгом напиться и излить душу. У них, наверно, не принято это. И за эти три недели мой сосуд любви к людям был исчерпан, и мне пора было валить домой, чтобы наполнять его по новой...» – здесь также видно восприятие мира через отношения и нравственный идеал. Спрашивается, ЗАЧЕМ наполнять по новой? Кто сказал, что так надо? Очевидно, что у Кости даже сомнений нет, что «сосуд любви» существует, и что он должен быть наполнен. Он воспринимает мир, как этик – через чувства, отношения. Для Достоевских любовь – двигатель жизни, ее основа.

Костя: «Я вообще испытываю любовь каждую секунду, и, в частности, любовь к малышу». И еще: «Я люблю Сашу такой, какая она есть, а расчленять – это дело хирургов».

«Родился я 25 декабря 1958 года, женат... Но это все неинтересно. Гораздо интереснее, почему я пою эти песни?.. Если вам все это нравится, то нам нравится вдвойне...» – отбрасывание логики и интуиции времени, переход на этику отношений и интуицию возможностей. «Как ты относишься к своим фанам?» – «По-разному. Иногда я их ненавижу, иногда – люблю. [...] На мой взгляд, наши фаны не сделали ничего такого, что как-то нарушает моральный кодекс».

«И как эпилог – все та же Любовь,
А как пролог – все та же Смерть...»

«Жизнь без любви
Или жизнь за любовь -
Все в наших руках».

С другой стороны, любовь сама по себе свободна, и он не хочет брать на себя ответственность за экономические и социальные последствия, вызванные отношениями: «...до этого не признавал никаких браков – он считал, что это подавляет чувства и любовь» – из интервью с его женой. Типичный, между прочим, факт из жизни Достоевских (особенно мужчин). Такой стереотип в их жизненной позиции в первой половине жизни объясняется нежеланием по блоку СуперЭго брать на себя

ответственность. Например, Дс-мужчина может сказать, что никогда бы не женился на женщине, которую нужно содержать; боится сделать предложение, поскольку вслед за этим придется решать проблемы жилищные, финансовые; штамп в паспорте его сковывает. То же в сексуальных отношениях: он может демонстрировать себя, провоцировать, но если нет конкретизированного ответа, снимающего с него ответственность (свойство интуитов), никогда не будет проявлять инициативу, предпочитает, чтоб с ним «случилось». (Его провокации рассчитаны на Штирлица, который один может адекватно ответить на них, и не только взять на себя ответственность, но и научить дуала безболезненно брать ее.)

Из интервью: «Какие у тебя отношения с Богом?» – «Отношения с Богом у меня напряженные: я его люблю, а он меня – нет». Последняя фраза тоже, в частности, указывает на болевую конкретику – Дс хочется, чтобы любовь к нему выражалась в делах, каких-то материальных благах, и если Бог ему не отвечает – не любит, значит! Прimitивно, но факт.

Само собой, личности внутри типа бывают разными – в зависимости от тех ценностей, что они усвоили или выработали для себя, от выбранных целей. То же и с Дс. Но у последних наблюдается очевидный приоритет моральных ценностей. Как сказано у Е.Филатовой, «стремление к порядочности, нравственности, высоким идеалам». К.Кинчев неоднократно высказывался на темы поиска себя и приближения к своему идеалу. «Я нахожусь в стадии богоискательства», так он говорит. Конечно, сам факт поиска еще не показатель – к примеру, я знаю двух Максов, не менее активно занятых «поиском себя», но, поверьте, они не выражаются столь эмоционально, столь возвышенно – иначе они бы подставляли под удар свой внутренний мир, боясь показаться смешными. Они заняты построением логической системы отношения мира с Богом, и поиском своего конкретного места в этой системе, и, даже провозглашая ценность интуитивных прозрений, выражают свою манифестацию не иначе как в четких доходчивых белологичных конструкциях с хорошо выстроенной аргументацией. (К тому же Максим не станет публично выворачивать себя на изнанку, раскрывая каждому свой внутренний мир, а у Кинчева чуть ли не каждая песня – исповедь.)

Сострадание к «униженным и оскорбленным» порой заводит их далеко. Кинчев: «Я вчера ребенка отбивал у матери, потому что плохо за ним ходила... она была просто недостойна иметь ребенка. А я несколько часов с ним просидел и уже понял, что я – отец». Очевидно, что он не отслеживает последствий своего поступка. Отношения, любовь, сочувствие для Достоевского важнее всего, отсюда столь часто они попадают в различные для себя щекотливые ситуации. К примеру, в данном случае Максим, (в зависимости от культурного уровня и настроения), может заступиться за обиженного ребенка, а может и пройти мимо. Он может холодно осудить родителя, наказывающего

или пренебрегающего своим чадом, или прервать рукоприкладство, если таковое имеется. Однако он никогда вдруг не заберет этого ребенка к себе, поскольку хорошо представляет себе все экономические и правовые нюансы отношений. Он исходит из чувства справедливости, а не любви и сострадания. Подобный поступок он посчитал бы безответственным. Что касается упомянутых нюансов, то для Дс они меркнут перед чужой болью, если вообще когда-нибудь им отражались. Мне вспоминается Иван Карамазов с его «слезинкой ребенка».

А что он говорит о справедливости? «Нас не покидает ощущение несправедливости этой жизни. Об этом мы и поем». «Нас», заметьте, а не «меня». В логике он предпочитает разделить ответственность, мнение с кем-то другим.

Конечно, я могу ошибаться. Когда-то Кинчев отталкивал меня своей агрессивностью, перехлестом эмоций и демонстративностью. Почитав интервью, внимательно посмотрев записи его выступлений, я теперь понимаю, почему можно решить, что Кинчев – Максим. Например, в версию Дс как-то не очень укладывается то, что он работал натурщиком в Суриковском училище, а затем – фотомodelью. Однако именно это развивало его волевою сенсорику, учило держать себя и подавать, что он так мастерски делает. Поскольку социум диктует: БУДЬ МУЖЧИНОЙ! и тут же подсовывает атрибуты мужественности, Дс старается доказать, что он мужчина, и хватается за эти атрибуты, ведет себя соответственно, начиная от кожаных курток и металлического «инвентаря» на одежде – до накачанных мускулов и «командирских» интонаций (в близком кругу). Человек не может жить в обществе, не развивая свою болевую функцию. Просто одни это делают сознательно, а у других подобный процесс происходит скачкообразно, под давлением извне. Для Дс важны отношения, и если его недостатки мешают иметь нормальные отношения, нравиться, занимать свое социальное место – он волей-неволей начинает их искоренять, искать манеру поведения, пробуждающую к нему симпатию и уважение.

Да, поведение Кинчева на сцене весьма необычно для болевой волевой сенсорики, некоторые его высказывания также наводят на мысль о ее адекватности. У него слишком много волевой энергии для Дс. Он энергичен и эпатажен. Однако, легко ли ему это дается?..

Из последних интервью мы знаем, что Кинчев некоторое время пользовался наркотиками. «Я всегда искал психостимуляторы, которые поддерживают во мне работоспособность...» То есть вещества, которые способны «вызвать необычный душевный подъем, стремление к деятельности, устранить чувство усталости, создать

субъективное ощущение неустойчивости, бодрости, необычной ясности ума и легкости движений... Повышенный психический тонус сочетается с возбужденностью, более или менее выраженной тревожностью, постоянной настороженностью, даже подозрительностью к происходящему вокруг» (А.Е.Личко, В.С.Битенский. Подростковая наркология). Теоретически, я полагаю (исходя из знаний, которые неэтично было бы здесь излагать), что, к примеру, Максим выбрал бы галлюциногены, дабы расслабиться, получить новые неожиданные впечатления – т.е. заполнить себе черную этику и интуицию времени. Кинчев же нуждается в энергетической подпитке собственных волевых качеств, дабы продолжать играть роль агрессивного, волевого, демонстративного человека. Ведь он вкладывает себя в каждое движение, каждую интонацию. Он держит контакт с залом. Вот как о нем отзываются: «Ощущение, словно он с помощью голоса, интонации, движений делает с залом все, что хочет, имея с залом, что называется, обратную связь». «Его концерт, его песни – целостное впечатление. Когда он поет, он поет всем телом, движения с богатой пластикой... передают не только эмоции, но и смысл каждой песни, причем не заученно, а постоянно импровизируя. Он сам – целый театр».

Из собственного, и не только, опыта знаю, что Максимы не держат эмоциональной связи с аудиторией. Они не чувствуют живо эту самую «обратную связь», продолжая свою программу, речь и т.п. независимо от того, интересно людям или нет (это не значит что они этого не чувствуют, просто осознание эмоций – на заднем плане, с опозданием на несколько шагов). Голоса поющих Максимов, как правило, не обладают таким обширным диапазоном интонаций и эмоций, как у Кинчева.

«...о суперпрофессионализме группы и личных Костиных качествах, его артистичности, совершенно бешеном магнетизме, просто обаянии, наконец, – так это известно всем». «Он пластичен, изумительно двигается...»

А Костя нигде не учился так двигаться. Говорят, он увидел по видео Б.Айдола – и образ был готов. «Сильная подача...» Казалось бы, странно для Дс? Между прочим, Максим, если он не занимался упорно собственной пластикой и телодвижениями, достаточно скован. Можно заметить телесные блоки и зажатость, в особенности в районе плечевого пояса (что намекает на комплексы интуитивного блока. См., к примеру, на Штирлица с интуитивным ахиллесовым блоком.) Что касается Кинчева, у него зажатость почти не наблюдается, а если наблюдается, то скорее в области бедер, что указывает на сенсорные комплексы.

Его «волевость», демонстративное поведение – это компенсация болевой функции, и

всего лишь роль, маска. В пользу этого говорит один из последних альбомов «Алисы», «Jazz». Какой контраст с предыдущими альбомами! Одна моя знакомая Дс, которая обожает Кинчева, сказала после первого прослушивания: «У меня такое чувство, словно он снял маску. Я всегда чувствовала, что он именно такой, и вдруг – «Jazz». Я так же чувствую, мне это так близко и понятно!» В одном из последних интервью его жену спросили в связи с этим альбомом, не кажется ли ей, что Костя в последнее время сильно изменился? «Ничего в нем не изменилось, – ответила она, – просто вся эта мишура – она отлетела, и выросло то, что в нем было всегда».

У Кинчева есть песни, написанные для большого количества людей, для стадионов. Такие, в основном, писались всеми вместе, они заряжают энергией, в них много шума, криков, надрыва, демонстративности, агрессии, «социальных наездов» и разнообразных приколов. А есть личные – большинство которых ранее никогда не выносились на публику в подобном виде. Именно из таких составлен «Jazz».

И в заключение я хочу сказать вот о чем. Людям сцены трудно быть собой. Каждый человек видит в них свое, загоняя в выбранный или «случившийся» имидж, ждет того, что хочет. Поэтому таких людей, как К.К., трудно типировать.

В конце концов, независимо от типа, он настоящий актер и глубоко чувствующий человек. Его восприятие – это линза, через которую фокусируется восприятие целого поколения. «Великая красота русского духа в том, что его носит по широкой амплитуде – то поднимает, то о землю ударит... А середина – это болото». Так он сказал. Собирая агрессию, он перерабатывает ее в нечто более высокое – в Любовь, в Жизнь. Он – Наставник от противного, человек, несущий и раздающий «черные жемчужины скорби». Поэтому, я считаю, его можно, независимо от типа, поставить на один уровень с Федором Михайловичем Достоевским, который также был и является одним из величайших чувствующих существ, выразивших «борьбу между небом и зверем».

Кстати, сам Костя о Достоевском говорит так: «Достоевский – нет, не нравится. Он смурной. Тоскливо мне его читать. Гессе люблю.» И цитирует: «Только для сумасшедших. Плата за вход – разум!»

Стал бы логич отказываться от разума, а?..

«Мне созвучней боль», или чем Костя Кинчев похож на Федора Михайловича

Автор: admin

06.11.2010 21:58 - Обновлено 06.11.2010 23:28

Автор - Анна Филиппова

Опубликовано в дайджесте 1 журнала [«Мост»](#) .